

Игорь
Евдокимов

ДОКТОР
ФАЛЬК

Преступления
находят его сами

и убийства
под парусом

Игорь Алексеевич Евдокимов
Доктор Фальк и
убийства под парусом
Серия «Доктор Фальк», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74051497

Доктор Фальк и убийства под парусом:

ISBN 978-5-04-248270-0

Аннотация

Лето в Зеленом луге продолжается – вместе со штормами, неожиданными визитами и дачной скукой, которая, однако, заканчивается ранним дождливым утром.

После ночной бури к берегу прибывает перевернутую яхту князя Несвицкого, но она пуста. Ни владельца, ни пассажиров, ни экипажа – неужели у жителей дачного поселка появился свой корабль-призрак? Вскоре обнаруживают тело одного из пропавших – и становится ясно, что дело не в стихии. Сына купца Жоржа Рыбина застрелили. Но где же остальные?

У единственного подозреваемого – неопровержимое алиби, и он проявляет слишком живой интерес к Лидии, возлюбленной Фалька.

И если первое Василий Оттович готов ему простить, то второе – никогда. А значит, доктору-детективу с неохотой придется взяться за новое расследование.

Содержание

Список действующих лиц	5
IN MEDIAS RES	7
Часть 1	10
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Игорь Алексеевич
Евдокимов
Доктор Фальк и
убийства под парусом**

© Евдокимов И.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Список действующих лиц

Василий Оттович Фальк – доктор, эстет, зануда. Сыщик поневоле.

Лидия Николаевна Шевáлдина – возлюбленная Фалька. Натура увлекающаяся и любопытная.

Александр Петрович Сидоров – урядник (деревенский полицейский), друг Фалька.

Ираида Дмитриевна Шевáлдина – мать Лидии, дама суровая, озабоченная поиском приличной партии для дочери.

Клотильда Генриховна – экономка Фалька. Ужас, летящий на крыльях ночи. Если привыкнуть – милая и почти не пугает.

Арсений Устинович Новиков – судебный следователь.

Екатерина Юрьевна Красильникова – жена присяжного поверенного. Дама знойная, свободных нравов.

Константин Михайлович Нёсвицкий – князь, дипломат, хозяин усадьбы, приехал погостить.

Иван Сергеевич фон Бек – друг князя, прожигатель жизни.

Николай Дмитриевич Мамаев – друг князя, сын фабриканта.

Георгий Платонович Рыбин – друг князя, сын купца-лесопромышленника.

Сергей Анатольевич Богомольцев-Донской – театральные режиссер.

Карл Кронидович Гейнц – антрепренер.

Федор Федорович Осокин – художник.

Ольга Ивановна Алеева – актриса.

Марк Евгеньевич Чернов – актер.

Михаил Всеволодович Всеволожский – командор яхт-клуба.

Филимон Кондратьевич Персиков – боцман, сторож яхт-клуба.

Павел Сергеевич Невёров – товарищ прокурора в отставке, друг Фалька.

Евламний Аристархович Кунин – излишне деятельный председатель общества благоустройства. Бич Божий и необходимое зло в глазах дачников.

Фома Михайлович Аксенов – бывший станционный смотритель. Знает все обо всех.

Евграф Андреевич Попов – уездный исправник. Бесплезен.

Зиночка Макарова – актриса.

Прасковья Егоровна – костюмерша.

Харон Семенович и Аида Семеновна Беляковы – гробовщики с нездоровым энтузиазмом к своей работе. Энтузиазм наследственный.

Моряки, актеры, служители сцены, дачники, стражники, крестьяне – тоже присутствуют.

IN MEDIAS RES

Сидя на палубе яхты и созерцая окружающую его водную гладь, доктор Василий Оттович Фальк поймал себя на довольно абсурдной мысли, что у моря и пустыни довольно много общего. И там и там бескрайние просторы. И там и там всегда есть шанс умереть от жажды и жары. И там и там не найдешь свидетелей, случись что... Непредвиденное.

– О чем размышляете, Василий Оттович? – спросил его спутник.

– О сходствах и различиях пустыни Сахара и Финского залива... – откликнулся Фальк.

– Банально. Думаю, ко всем, кто видит море в штиль, приходит эта аналогия. Скажите, вы правда подозреваете, что я их убил?

Первым порывом Василия Оттовича было обернуться и пораженно уставиться на собеседника. Порыв этот он сдержал, а потому продолжил любоваться морем, выдерживая солидную паузу. Такого вопроса следовало ожидать. Вряд ли собеседника можно было счесть дураком. А то, что, кроме них двоих, на яхте (да и на пару верст вокруг тоже) никого нет, – лишний повод держать эмоции при себе и сохранять внешнее спокойствие.

– Согласитесь, это логично, – наконец нарушил молчание доктор. – В конце концов, все улики указывают на вас.

– И вы все равно согласились выйти со мной в море?

– Я счел, что, будь вы убийцей, с вашей стороны было бы довольно опрометчиво попытаться настолько явно от меня избавиться. И невежливо. К тому же вы сами видели: у меня есть свидетель, знающий, с кем и куда я отправляюсь.

– Это при условии, что я бы хотел сохранить инкогнито. Будь я убийцей, конечно же.

– А что же, у вас есть другие варианты?

– Конечно. Должно быть, вы заметили, что Кронштадт мы миновали. Отсюда рукой подать до Финляндии. Терийоки во-о-он там, но я бы предпочел Выборг. Он, конечно, значительно дальше, но и яхта у меня быстроходная. Домчал бы мигом. Пока вас не хватились, взял бы припасы. А дальше... Швеция. Германия. Швейцария. Счета в тамошних банках у меня уже есть. Как выправить документы, я тоже представляю. Меня бы никто не нашел... Сигару?

На этот раз собеседнику все-таки удалось удивить Фалька. Доктор обернулся. Мужчина за его спиной оставил штурвал, подошел к нему и потянулся к нагрудному карману. Василий Оттович напрягся, готовый прыгнуть и зажать руку собеседника в тиски. Но тот действительно достал из кармана две сигары и протянул одну доктору. Естественно, дорогую, кубинскую, с фабрики братьев Упманов ¹.

– Приговоренному разрешается закурить? – иронично

¹ Сигары Н. Уррман курили А. К. Толстой, И. С. Тургенев и, например, Зигмунд Фрейд. – *Здесь и далее примечания автора.*

вскинул брови Фальк, принимая презент.

Собеседник рассмеялся. Крутанул свою сигару между пальцев. Провел ею под носом, втянув воздух ноздрями. Сжал пальцами, прислушиваясь к хрусту. Вновь запустил руку в карман, нервируя доктора, но извлек оттуда не револьвер, а маленькую серебряную гильотину. Ловко, со щелчком, обрезал кончик сигары и передал машинку Фальку. Поднял с палубы упаковку длинных шведских спичек. Чиркнул одной, дал немного прогореть и поднес к зажатой в зубах сигаре. Несколько раз со свистом пропустил сквозь нее воздух, а затем затянулся и выпустил в безоблачное синее небо струйку синеватого дыма.

Фальк, пусть и с меньшей элегантностью, последовал его примеру.

– Итак, Василий Оттович... – после некоторого раздумья произнес собеседник. – Если вы действительно думаете, что я – убийца, то как и зачем я это сделал?

Доктор прикрыл глаза, выпуская сигарный дым, задумчиво улыбнулся и сказал:

– Что ж, это будет долгая история. Интересная, надеюсь, но долгая. В таких случаях принято начинать сначала...

Часть 1

После бури

Глава первая

Ты видишь, как я ем, гуляю, сплю, работаю. Вдруг как будто найдет на меня что-нибудь, какая-то хандра... мне жизнь покажется... как будто не всё в ней есть...

И. А. Гончаров, 1859 год

Июль для Василия Оттовича начался уныло. Как по метеорологическим причинам, так и по сердечным.

Начать следует с того, что погода в Зеленом луге к середине лета испортилась. На смену капризам мая и мягкому теплу июня пришли затяжные ливни и грозы. Дождь, хлещущий огромными каплями, от которых не спасали зонты, разогнал отдыхающих по домам. Отменились мероприятия на летней эстраде курзала. Опустела Вокзальная улица – остальные дороги Зеленого луга не были шоссированы, а потому непогода сделала их практически непроходимыми. Обитатели деревни укрылись в домах, но и те не всегда спасали. Более старые дачи, давно не видавшие ремонта, начали протекать, временами – прямо над кроватями своих обитателей, которых по

утрам будил внезапный и непрощенный холодный душ. Одним словом, Зеленый луг вымер.

Но погоду Василий Оттович пережил бы легко. Уж что-то, а организовать себе тихий спокойный отдых он мог – благо, книжный шкаф Фальк обновлял сезонно, а незаменимая экономка Клотильда Генриховна проявляла подобную же прозорливость в отношении продуктов, посему способна была потчевать доктора разнообразными блюдами, ни разу не повторяясь, на протяжении недели. Семейный дачный дом также стоял крепко, не выказывая намерений резко рассохнуться и дать течь. Крыльцо с верандой могло похвастаться солидной широтой, а потому позволяло устроиться за столом и меланхолично завтракать, глядя на молотящие по округе потоки воды и не боясь намокнуть.

Так что же не давало Василию Оттовичу покоя этим утром? Да, для читателей, по какой-то причине с ним незнакомых, пожалуй, стоит дать краткий словесный портрет нашего героя. Представьте себе античную статую Аполлона, обрядите ее в приличный и идеально сидящий летний костюм, зачешите бриллиантином растрепанные русые волосы, добавьте геометрически правильные тонкие усы – и вы получите весьма точное представление о том, как выглядит доктор Фальк, а также о причинах, почему женская часть населения Зеленого луга считает его несомненным украшением дачного поселка.

А грустен он был по одной простой причине: Лидия Нико-

лаевна Шевалдина, единственная дама, которой удалось-таки похитить его сердце, была вынуждена вернуться с матушкой в Сестрорецк. Ей и так удавалось откладывать это событие под все менее и менее благовидными предлогами. В ход шли здоровье («Доктор рекомендовал мне побольше гулять и дышать сосновым воздухом – а у нас в Сестрорецке теперь один дым от заводов»), досуг («Тут, говорят, театр приезжает, а искусство – это вещь возвышающая!»), фауна («А еще в Сестрорецке эти ночные сверчки! Я от них с ума схожу. Тут они, видимо, интеллигентнее»), суеверия («Я не дочитала одну книгу, взятую в курзале, а возвращать недочитанную – все-таки нехорошая примета») и физические увечья («Я слегка подвернула ступню в саду. Не видно, но очень чувствуется»). В принципе, Лидия Николаевна была права во всем (за исключением травмы, но страдательная походка удавалась ей крайне убедительно) – и воздух в Зеленом луге чище, и сверчки трещат тише, и книжки всегда стоит дочитывать, и даже театр действительно приехал. Фальк бросил взгляд на последний достижкий выпуск «Зеленолужского вестника», прочитанный от корки до корки, да так и оставшийся лежать на веранде. На обороте, где располагалась страница объявлений, крупные буквы буквально кричали:

Почтеннейшая публика!

Курзал имеет честь сообщить, что с июля по август

на нашей сцене будут даваться спектакли под открытым небом.

Постановки будут проходить по субботам, в вечернее время, при благоприятной погоде.

Репертуар труппы, состоящей из артистов петербургских театров, составляют как душещипательные драмы, так и веселые водевили, популярные сценки из быта, французские комедии нравов и даже маленькие опереточные курьезы.

Особое внимание будет уделено новейшим пьесам современных авторов, равно как и изящной классике русского репертуара.

Событие само по себе нешуточное. До сей поры спектакли в Зеленом луге ставились исключительно силами любительских трупп, а качество их, скажем так, варьировалось. Причем варьировалось чаще всего от «ужасного» до «абсолютно кошмарного, оставляющего душевные шрамы на всю жизнь». Конечно же, доверия незнакомые артисты также не вызывали, но все равно вероятность увидеть нечто стоящее возрастала – даже при повальном увлечении петербуржцев театрами за качеством в столице следили, и совсем уж бездарей не держали даже откровенно экспериментальные кабаре, ютившиеся по подвальчикам.

Ираида Дмитриевна, мать Лидии, была, однако, непреклонна. Она уступала капризам дочери весь остаток мая и

большую часть июня, но в конце концов ее терпение лопнуло. Шевалдина-старшая взяла два билета на поезд до Сестрорецка и никаких отказов не принимала. Василию Оттовичу даже не удалось их проводить. Ираида Дмитриевна соблюдала общественные приличия и вела себя цивилизованно, но при этом ясно давала понять, что не одобряет взаимной симпатии между Фальком и Лидией. Унаследовав от мужа-генерала значительное состояние, она планировала найти дочери куда более выгодную партию, чем обычный врач. Пусть даже вполне успешный, статный, с безупречной репутацией, солидной практикой и семейной аптекой на Васильевском острове. А потому Василию Оттовичу оставалось лишь грустно смотреть вслед удаляющемуся поезду с деревянного дебаркадера станции, место на котором он занял загодя и укрылся от зоркого ока Ираиды Дмитриевны за газетой.

Отъезд Лидии Фалька расстроил. Еще больше доктора расстроило то, что появление в его жизни сей взбалмошной и энергичной особы лишило его привычных удовольствий. Казалось бы, самое время наслаждаться интеллигентной ленью! Пациенты с мелкими болячками не бегают (ибо выходить под такие ливни желающих нет), тяжких ни у кого, по счастью, не открылось. Можно спать, читать, варить кофе, курить сигары и смаковать хороший коньяк – наилюбимейшие занятия Василия Оттовича. До сего лета. Привычные ритуалы как-то враз перестали приносить удовольствие. Спал он плохо, по утрам вставал неохотно, кофе варил из

рук вон плохо, сигары вызывали кашель, книги – скуку, и даже коньяк – вот уж от кого он ожидал такой подлости в последнюю очередь! – отказывался смаковать. По-врачебному склонный к самоанализу, Фальк пришел к неутешительному выводу: без Лидии рядом жизнь его утратила изюминку. Вкус. Цвет. Аромат. Ему даже стало несколько обидно – обычно по прелестям холостяцкой жизни начинают скучать, лишившись их после женитьбы. А вот ему никто не мешает, но радости от этого никакой...

– Чаю? – заботливо каркнула выглянувшая на веранду Клотильда Генриховна. Своей бесшумной походкой и пугающим внешним видом старенькая экономка регулярно доводила до предынфарктного состояния гостей и просто посетителей доктора, однако сам Фальк, привычный к ней с детства, оставался абсолютно невозмутим. Один из его приятелей, профессор истории Петербургского университета, утверждал, что в каком-то средневековом трактате наткнулся на гравюру с четырьмя всадниками апокалипсиса, один из которых был подозрительно похож на Клотильду Генриховну. Но Фальк не придавал этому значения.

– Благодарю, драгоценная. Пожалуй, откажусь, – блеклым голосом откликнулся Василий Оттович.

Экономка оглядела его взглядом, в котором соседствовали беспокойство и недовольство, но промолчала и вновь исчезла в недрах дачи.

Фальк мрачно обозрел окрестности дачи. Прошлая ночь

вышла особенно ненастной. Вечером на пару часов вышло солнце, подарив обитателям Зеленого луга красивый закат и пару спокойных часов. Но как только стемнело, непогода вернулась с удвоенной силой. На море бушевал шторм. Ветер завывал так, что не спасали закрытые окна и беруши. Неудивительно, что стихия оставила свои следы в Зеленом луге. Молодое вишневое деревце на участке против дома доктора вырвало с корнями. У соседней дачки, давно не ремонтировавшейся, снесло часть черепицы с крыши и, кажется, выбило одно из окон. Словом – окружающая депрессия удивительным образом гармонировала с депрессией внутренней.

А вот кого душевные терзания, кажется, не беспокоили, так это председателя общества благоустройства Кунина. Зато сам Евлампий Аристархович регулярно беспокоил обитателей Зеленого луга своей кипучей деятельностью, которая, безусловно, шла на пользу дачной местности, но в процессе доставляла множество неудобств. Поэтому, завидев его на дорожке, ведущей от моря к Вокзальной улице, Василий Оттович пожалел, что прятаться внутри уже поздно – Кунин явно его уже заметил и взял курс к крыльцу докторской дачи.

Свой извечный белый курортный френч Евлампий Аристархович сменил на более сообразный погоде макинтош и резиновые сапоги. Даже побиваемый дождем и увязающий в грязи чуть ли не по колено, он умудрялся сохранять бьющую через край энергию (жизнерадостностью Фальк эту чер-

ту Кунина называть бы не стал). Евлампий Аристархович относился к тем людям, которые громко делают все – ходят, говорят, шмыгают носом, прочищают горло, едят. Да даже дышат, в конце концов! И его явление Фалька в это утро совсем не радовало.

– Василий Оттович, друг мой, у нас бедствие! – прокричал председатель, не достигнув еще крыльца.

– Да, Евлампий Аристархович, погода не радует, – кротко согласился Фальк.

– Да какая погода! – воскликнул Кунин, поднимаясь на крыльцо и громко топая ногами, отчего стекающая с его макинтоша вода быстро напрудила вокруг него солидных размеров грязную лужу. – Стихия, конечно, первостатейная, но сейчас не о ней речь! Хотя...

Он увидел поваленное дерево и поврежденную дачу напротив, извлек из-под плаща записную книжку с карандашом и начал лихорадочно что-то корябать на раскрытой страничке. Фальк не стал ему мешать – теплилась еще надежда, что Кунин отвлечется и помчится дальше, забыв о его существовании. Такое случалось, пусть и до обидного редко. Не повезло и в этот раз.

– Так вот, – вновь обратил внимание на доктора Евлампий Аристархович. – Я с раннего утра на ногах! Обходил деревню, записывал ущерб, нанесенный непогодой, знаете ли! И вот, на берегу, недалеко от беседки – она уцелела, никаких повреждений, если вам интересно, – так вот, на берегу у бе-

седки я наткнулся на кораблекрушение!

– Да что вы говорите! – удивился Фальк.

– Представляете! Море выбросило на берег яхту!

– Команда пострадала? – деловито спросил Фальк.

– Не знаю! Судно не сильно пострадало, но выглядело пустым! Возможно, его сорвало с якоря у яхт-клуба! Готов поспорить, что яхту делали не на наших верфях! Иностранцам нельзя доверять ни в чем! Ох, не принимайте на свой счет, Василий Оттович, вы-то свой, а не какой-нибудь мошенник и прохиндей! В любом случае это экстраординарное происшествие! Я спешу к Александру Петровичу...

Александром Петровичем звали местного урядника Сидорова, удивительно компетентного и трудолюбивого мужчину несколько старше Фалька. Расследуя всколыхнувшую деревеньку майскую историю с серым монахом, полицейский и доктор как-то незаметно подружились.

– Но решили все-таки заглянуть ко мне... – тяжело вздохнул Василий Оттович. – Давайте поступим так: вы спешите дальше, а я схожу на берег и проверю, не нуждается ли кто в моей помощи.

– Я могу с вами! – браво вызвался Кунин.

– А кто тогда поставит в известность полицию? – слегка дрогнувшим голосом возразил доктор, которого уж точно не радовала перспектива осматривать место происшествия в компании председателя общества благоустройства.

– Вы правы, доктор! Тогда я к Сидорову! – воскликнул

Евламий Аристархович и сбежал с крыльца обратно под дождь.

– Постарайтесь нигде не задерживаться! – крикнул ему вслед Фальк. Во-первых, потому, что яхту могло выбросить на берег вместе с пострадавшей, а то и погибшей командой, что требовало вмешательства полиции. А во-вторых, возможно, этим наставлением ему удастся спасти от общения с Куниным еще нескольких ни в чем не повинных дачников. Шутка ли – даже Клотильда Генриховна предпочитала не пересекаться с Евлампием Аристарховичем.

Сам Василий Оттович времени терять не стал. Под ливень выходить не хотелось, но, будучи ближайшим доктором к месту кораблекрушения, Фальк не мог позволить себе остаться дома. А потому он натянул нелюбимый, но непромокаемый плащ, обул сапоги до колен (что вообще для него напоминало сделку с совестью) и поспешил на берег, морщась от звука чавкающей под ногами грязи.

Как и ожидалось, других людей по дороге он не встретил, хотя, по ощущениям, дождь потихоньку начал стихать. Однако дорога до моря, в погожий день занимавшая от силы пять минут неторопливой прогулки, на этот раз отняла у него все десять. Фальку приходилось прилагать все усилия, чтобы не завязнуть (оставив в качестве дани сапоги) и не поскользнуться, ухнув в лужу вместе с врачом саквояжем.

Наконец впереди показалась белая беседка, отмечающая начало приморского променада. Василий Оттович благодар-

но вступил под ее своды, скинул капюшон, вытер платком намокшее лицо и смог осмотреться.

Как и обещал Кунин, на пляже перед беседкой лежала яхта. На вид – солидная, крейсерская. Фальк прикинул, что в длину она будет футов сорок и где-то шесть в ширину². Судно не опрокинулось – корпус лишь накренился на правый борт под углом где-то в 50 градусов. Над палубой возвышались две мачты. Задняя слегка покосилась, но не упала. Паруса были убраны, якорь – поднят и теперь свисал с борта.

За пеленой дождя, на фоне бурного серого моря и свинцовых туч севшая на берег яхта выглядела откровенно зловеще. Фальку вспомнились читанные некогда легенды об исчезнувшем экипаже «Марии Селесты» или о «Летучем голландце», проклятом вечно скитаться по океанам в безуспешных попытках обойти вокруг мыса Доброй Надежды на южном краю африканского континента.

Отогнав неуместные мысли, Фальк вновь накинул капюшон и заспешил по мокрому песку к судну. Подойдя поближе, он обратил внимание, что, за исключением царапин и потертостей, пробоин на выкрашенном в черный цвет корпусе не виднелось. Иллюминаторы выглядели целыми, но запотевшими, не позволяя заглянуть внутрь. С правого борта, рядом с носом судна, красовалось искусно выполненное изображение русалки и надпись: «Ундина».

² Приблизительно 12 метров и 2 метра соответственно. Метрическая система начала официально использоваться в России только после 1917 года.

Глава вторая

Слышал я также о Летучем Голландце, об этом вечном скитальце морей, с черными парусами и мертвым экипажем. Впрочем, эту страшную легенду знают и ей верят на всех морских побережьях Европы.

А. И. Куприн, 1911

– Эй, есть кто живой? – крикнул Василий Оттович. Ответом ему стала тишина.

Доктор обошел вокруг яхты на случай, если кого-то из команды выбросило за борт от удара о берег, однако, к счастью или нет, пострадавших не обнаружил. Ливень мешал осматриваться, заливая глаза и скрывая все за пеленой дождя, поэтому утверждать, что пострадавших не вынесло на берег где-то поодаль, Фальк не мог. Однако для того, чтобы проверить весь берег, потребовалась бы поисковая группа. А потому Василий Оттович вернулся к яхте, подпрыгнув, зацепился за борт, закинул через него свой саквояж и следом подтянулся сам.

Встав на палубу, Фальк огляделся. Доски под ногами были мокрыми и скользкими, но в целом выглядели ухоженными. Вода уже стекала сквозь дренажные отверстия. Паруса были убраны, снасти – не в идеальном порядке, но и не разбросаны, как случается при панике. В центре яхты возвышалась

надстройка с двумя круглыми иллюминаторами по каждому борту. Лесенка вела вниз, в каюту. На корме все выглядело так же аккуратно: штурвал, задняя мачта (та, что покосилась), спасательный круг.

От осмотра доктора отвлек крик, донесшийся сквозь барабанную дробь капель:

– Василий Оттович, это вы там бродите?!

Фальк перегнулся через борт. Опознать кого-то в такую погоду, да еще и в плаще с капюшоном, было невозможно, но доктор узнал визитера по голосу.

– Так точно, Александр Петрович. Быстро вы.

Урядник стянул капюшон и, шурясь от заливающего лицо дождя, задрал голову, чтобы разглядеть Фалька.

– А я в «Бристоле» был, – сообщил Сидоров, но, заметив, как доктора передернуло от одного названия, быстро добавил: – По делам. Долгая история. Так что Кунин перехватил меня на полпути. Поможете забраться?

Реакция Фалька была понятна. В Зеленом луге было всего две гостиницы: «Швейцария» и «Бристоль». И если первую обитатели Зеленого луга любили и рекомендовали состоятельным приезжим, то вторая своими удобствами (а вернее, отсутствием оных) смахивала на описанные журналистом Гиляровским ночлежки московской Хитровки. С поправкой на отсутствие криминалитета, конечно же. Единственными живыми существами, с относительным комфортом размещавшимися в «Бристоле», были многочисленные

тараканы, да и те могли со дня на день выйти на забастовку с требованиями улучшения жилищных условий.

Василий Оттович припал к палубе, протянул уряднику руку и помог Сидорову забраться наверх. Александр Петрович приземлился рядом и, поблагодарив доктора, спросил:

– Я так понял, вокруг яхты никого не нашли? А внутри?

– Пока еще не начинал осмотр, – ответил Фальк. – А где потеряли Кунина? Я был уверен, что он увяжется следом.

– Отправил его за командором яхт-клуба. Не знаю, откуда взялось это судно, но если оно из наших, то так будет проще и быстрее установить, кому оно принадлежит и кто брал его вчера. Встретиться договорились в здании яхт-клуба. Так Евлампий Аристархович хотя бы под ногами мешаться не будет.

– Весьма мудрое решение, – признал Фальк, представивший, как Кунин нарезает круги вокруг яхты, вопрошая: «Други мои, что вы видите? Есть трупы? Их убили революционеры?»

Сидоров остался еще раз осмотреть палубу, а Фальк спустился в каюту.

Помещение оказалось узким, обшитым до потолка ровными панелями из светлого лакированного дерева. Потолок – с арочными балками, окрашенными в молочный цвет, – визуально расширял тесное пространство. По обе стороны каюты шли два длинных дивана с высокими подушками, обтянутыми светлой плотной тканью. Под диванами были встро-

ны ящики с овальными латунными ручками, тщательно пригнанные, без зазоров. Стены над диванами были снабжены встроенными шкафчиками с глухими деревянными дверцами, а справа в небольшую нишу был аккуратно вмонтирован открытый книжный отсек.

Сквозь круглые запотевшие иллюминаторы пробивался рассеянный тусклый свет. Капли дождя то и дело стекали по стеклу. В глубине, за скругленной дверью, начинался следующий отсек, в котором виднелась заправленная койка-кровать и тускло поблескивала под потолком латунная подвесная лампа.

Здесь уже встречались следы пребывания людей. Под ногами валялись две пустых бутылки из-под шампанского, и висящий в каюте кисловатый запах подсказывал, что их содержимое, скорее всего, разлилось по полу. Фальк хотел было двинуться в глубь каюты, но после секундного размышления решил сначала скинуть сапоги. Отчасти потому, что не хотел затоптать грязными следами роскошный салон, а отчасти – потому, что открывшаяся картина казалась ему смутно подозрительной. Он пока не смог бы связно описать, что именно вызвало его беспокойство, но, невольно поучаствовав в расследовании двух преступлений, доктор начал доверять своему чутью.

Аккуратно, стараясь не промочить носки в натекших с палубы лужах, Василий Оттович прокрался через каюту и заглянул в спальный уголок. Здесь царил абсолютный порядок

– кто бы ни вышел на яхте в море, кроватью они не пользовались.

– Пусто? – спросил Сидоров, спускаясь по лестнице.

– Никого, – подтвердил Фальк.

– А чего это вы сапоги бросили? – Урядник удивленно оглядел оставленную на нижней ступеньке обувь.

– Да как вам сказать... – замаялся Василий Оттович. – Есть у меня какое-то нехорошее предчувствие.

– По поводу яхты? А что не так?

– Если бы я мог объяснить...

Фальк еще раз огляделся и попробовал:

– Меня не покидает ощущение странности. Помогите, Александр Петрович. Вот куда могла деться команда? Судя по пустым бутылкам, здесь что-то праздновали. Или просто устроили гулянку. Значит, в море они вышли до шторма, если не дураки. Но дальше-то что?

– Хороший вопрос... – Сидоров почесал в затылке. – Вы что-нибудь в яхтенном спорте смыслите?

– Почти ничего, – признался доктор.

– Вот и я тоже. Может, их за борт снесло? Или, например, после того как судно село на мель, его просто бросили. Скажем, одному из членов команды потребовалась врачебная помощь и его попытались доставить в клинику у станции. Как думаете, сколько человек требовалось для управления яхтой? Она немаленькая на вид.

– Сложно сказать. Думаю, человека два-три.

– Похоже на то, – покивал Сидоров. – Ну, главное, что пострадавших мы не нашли. Значит, надо будет зайти в яхт-клуб, свериться с их записями о лодках и их хозяевах. Да проверить клинику, не поступал ли к ним кто-нибудь. Что скажете?

– Вы здесь полиция, – усмехнулся Василий Оттович. – Это я что-то после наших приключений везде вижу злой умысел. Давайте сделаем, как вы скажете.

Сидоров пригляделся к доктору, еще раз огляделся, а затем принялся сам стягивать грязные сапоги.

– Чего это вы? – удивился Фальк.

– Знаете, Василий Оттович, я успел убедиться, что вашему чутью стоит доверять. И уж если вам кажется, что дело нечисто, то нелишним будет здесь осмотреться. Для порядка.

Фальк пожал плечами. Его натура буквально настаивала на том, чтобы отбросить подозрения, поблагодарить Сидорова за доверие и вернуться обратно домой, забыв про выброшенную на берег яхту. И два месяца назад он бы так и сделал. Да чего уж там, он бы и месяц назад не изменил своего решения. Опустевшая яхта и пропавший экипаж – явно не сфера интересов отдыхающего на даче врача. Было лишь одно «но» – и «но» это звалось «Лидия Шевалдина». Василий Оттович уже усвоил, что возвращение домой не принесет ему ни радости, ни покоя. И чем бы он ни старался себя занять, закончится все угрюмым сидением у окна с книжкой,

которая не представляла для него ни капли интереса. Чем бы ни обернулась история с яхтой, по крайней мере она позволит отвлечься на час-другой. А дальше... Дальше он что-нибудь да придумает.

Сидоров, оставшись без сапог и плаща, приступил к осмотру каюты. Он методично открыл все дверцы и изучил содержимое всех шкафов. Такая тщательность быстро принесла плоды.

– Смотрите-ка! – воскликнул урядник. – Тут у нас... раз... два... три... четыре пиджака, летних!

– Может, гардероб хозяина? – предположил Фальк, аккуратно присев на краешек дивана, чтобы не мешать Александру Петровичу.

– Размерчики не совпадают, – покачал головой Сидоров. – Кажется, можно пока с осторожностью предположить, что на борту было как минимум четыре человека.

– Если только их не оставили друзья владельца, – сказал Фальк. – Но, конечно, ваша версия пока выглядит более вероятной...

– А что скажете про шампанское, Василий Оттович? Я в нем не разбираюсь. Только будьте добры, не трогайте бутылки руками. Мало ли...

Доктор понимающе усмехнулся. Именно эта новая криминалистическая технология помогла им поймать серого монаха. Правда, совсем не так, как этого ожидал сам Фальк.

Он вернулся к лестнице, извлек из своего саквояжа щип-

цы и аккуратно перевернул одну из бутылок так, чтобы разглядеть этикетку.

– Хм... Интересно... – пробормотал он.

– Что такое? – спросил Сидоров.

– «Вдова Клико», – ответил Фальк.

– В смысле, вы знаете даму, которая пьет такое шампанское? – Урядник извлек памятную книжку, карандаш и приготовился записывать. – Муж был француз? Как скончался?

– Да нет же! Это сорт шампанского. Французский, дорогой.

– Стало быть, в лавке колониальных товаров у станции такое не купишь? – ухватил суть Сидоров и сделал пометку в своей книжице.

– Нет. Его точно не найти ни в курзале, ни в «Берлине». – Фальк имел в виду, конечно же, не немецкую столицу, а ресторан, расположенный через дорогу от «Бристоля» и каким-то чудом умудряющийся держать планку, несмотря на подобное соседство. Буквально неделю назад у заведения опять сменились владельцы, переименовав его из «Ресторации» в «Берлин». Василий Оттович заглянул туда из уважения к корням, полистал меню, оглядел несильно изменившийся интерьер и удалился. – Если у кого в Зеленом луге такое и можно купить, то только в винном погребе «Швейцарии», у Козлова.

Виктор Львович Козлов, владелец лучшей в деревне гостиницы и ресторана, был хорошим приятелем Василия От-

товича. Особенно после того, как доктор помог ему разобраться с одной запутанной историей, связанной с дорогой бутылкой вина.

– Либо они уже с ним приплыли, – домыслил Сидоров.

– Да. Еще нельзя исключать частные заказы (владелец такой яхты, думаю, может позволить себе выписывать шампанское напрямую из Петербурга) либо же личные коллекции.

– Что ж, не сильно, но сужает круг поиска, – удовлетворенно кивнул урядник и продолжил осмотр. Который на этот раз оказался не слишком полезен. Во всех остальных шкафчиках вещи лежали на своих местах, да еще и успели покрыться едва заметным слоем пыли, указывающим, что их не беспокоили.

– Итак, что у нас получается... – резюмировал Сидоров. – Когда яхта попала в шторм, на ней было четыре человека. Возможно, слегка нетрезвые. Которые исчезли где-то между началом бури и моментом, когда яхту вышвырнуло на берег.

– Странно, – задумчиво произнес Фальк. – Что же они, все вышли на палубу, где их смыло волной? Одновременно? Да так, что никто не успел зацепиться или схватить спасательный круг?

– Странно это или нет, думаю, нам расскажет Михаил Всеволодович, – ответил урядник, имея в виду командора яхт-клуба. – Мы с вами те еще моряки, гадать можем бесконечно.

– А еще мне интересно, где бокалы? – продолжил Фальк.

– Бокалы? – удивился Сидоров. – А что с ними?

– Конечно, не все разделяют мои врачебные предубеждения, но все же... Вы встретились с друзьями. Вас четверо. Будете ли вы пить шампанское из горла, передавая бутылку, или же все-таки воспользуетесь бокалами?

– Я никогда не пил с друзьями шампанское на яхте, и вряд ли мне когда-нибудь доведется это сделать... – признался Сидоров.

– Простите, Александр Петрович, это был риторический вопрос, – смутился доктор. – Но я бы все-таки предположил, что пили из бокалов. Это как минимум удобно. Но если так, то вот у нас две бутылки – и ни одного бокала.

– Погодите-ка, – сказал урядник и вернулся к одному из шкафов. Внутри, закрепленные медной на вид направляющей, висели несколько бокалов. Один из них, похоже, разбился во время качки – он выглядел щербато, а на дне полки лежали осколки. И все равно было заметно, что бокалы висят слишком свободно, словно нескольких не хватало.

– И куда же они подевались? – вслух спросил Сидоров. – Их что, смыло вместе с командой?

– Хороший вопрос, Александр Петрович, – заметил Фальк. – Ну, полагаю, вы осмотрели все, что могли. Может, переместимся в яхт-клуб?

Урядник тоже заметил, что внутри каюты было холодно и сыро, и ноги в носках успели здорово замерзнуть.

– Согласен, – кивнул он. – Я бы выпил там... Горячего чайку.

– И никто бы вас за это не осудил, – кивнул Фальк. Сидоров на фоне большинства коллег выглядел ходячей иллюстрацией к памятке полицейскому уряднику, предписывающей «вести жизнь честную, трезвую и ни в чем не зазорную не только на службе, но и вне оной». А потому при исполнении Александр Петрович не пил никогда, а на отдыхе позволял себе от силы одну стопочку по праздникам. Хотя в холодные и дождливые дни вроде сегодняшнего даже ему хотелось бы отведать чего-то более согревающего.

Василий Оттович уже поднялся с дивана и собрался направиться к лестнице, когда его взгляд случайно зацепился за непонятный предмет, забившийся между сиденьем и спинкой.

– Александр Петрович, буквально одну минутку, – попросил Фальк и с помощью щипцов, которые так и не убрал в саквояж, вытащил странную вещицу на свет божий. Это оказался спутанный комок волос или шерсти, да еще и мокрый на вид.

– Василий Оттович, это что еще за штука? – брезгливо поморщился Сидоров, разглядывая находку.

– Если откровенно – не имею ни малейшего понятия, – признался Фальк.

Глава третья

Старые моряки имеют особую походку.
В. К. Арсеньев

Свой яхт-клуб обитатели Зеленого луга нежно любили, не уставая им гордиться и ставить в пример соседям. Шутка ли, открыли его в 1906 году, опередив и Сестрорецк (который мог похвастаться только парусным кружком, хотя и весьма солидным), и финские Терийоки, где здание для яхт-клуба еще только строилось. В общем, здесь Зеленый луг утер нос более именитым конкурентам.

Вдохновителем идеи и командором стал отставной контр-адмирал Михаил Всеволодович Всеволжский – благообразный седобородый мореход, внешне чем-то напоминающий композитора Чайковского. В Зеленом луге он проживал круглогодично и очень скучал по службе – жена у него умерла, а с сыном они, по слухам, разругались относительно будущей карьеры – сердце юноши, по словам отца, не лежало к службе, а его творческих пристрастий не одобрял сам контр-адмирал. Посему Всеволжский даже хотел восстановиться на службе, когда разразилась Русско-японская война, однако вакансий, сообразных его чину и выслуге лет, не нашлось. Михаилу Всеволодовичу оставалось лишь с болью следить за падением Порт-Артура (где он успел послужить)

и катастрофой Цусимы. Шестнадцатого мая, когда бывшие сослуживцы раньше всех газет сообщили Всеволжскому о гибели эскадры (и многих его учеников), старому контр-адмиралу стало плохо. Ближайшим доктором оказался Василий Оттович. Он сам лишь месяцем ранее вернулся на родину после Мукденского сражения и безвылазно сидел на даче, пытаясь прийти в себя после увиденного и пережитого. В те дни узнать Фалька было сложно: он весь зарос бородой, был худ и мрачен, а вопрос внешнего вида заботил его в последнюю очередь. Но в каком бы раздрае ни находилась его психика, врачебные навыки Василия Оттовича оставались в полном порядке, поэтому Всеволжского он буквально спас, примчавшись к тому по первому зову.

Так едва не случившаяся трагедия помогла обоим мужчинам. Фальк, после того как помог контр-адмиралу, смог наконец оставить в прошлом кошмары о тех, кого так и не смог спасти тогда, в Китае. Михаил Всеволодович же осознал, что хотел бы оставить после себя что-то, чем мог бы гордиться. Так у него и родился замысел создания Зеленолужского яхт-клуба.

Больше года ушло на согласование, изыскание средств, проектирование, разработку униформы и строительство. Неудивительно, что открылся клуб только в сентябре 1906 года. Фальк даже специально приехал на церемонию – и ни разу об этом не пожалел. Из уважения к заслугам Всеволжского флот прислал на открытие две канонерских лод-

ки, давших пушечные салюты, а сам Михаил Всеволодович, в полной униформе и при орденах, зычно скомандовал:

– Сми-и-ирно! Флаг поднять!

Первый полноценный сезон состоялся уже в 1907 году. Постоянных членов яхт-клуба в Зеленом луке на тот момент было еще немного (не каждый мог позволить себе столь дорогое удовольствие), зато в его порт неоднократно заходили суда, державшие путь из столицы в Выборг или Гельсингфорс, а то и дальше, либо же возвращавшиеся обратно. То, что ресторан яхт-клуба вполне успешно соперничал с курзальным кафе и «Швейцарией», также сделало его весьма популярным среди дачников.

Именно сюда и спешили под ливнем Фальк и Сидоров. Здание яхт-клуба представляло собой приземистую, но вытянутую вдоль залива деревянную постройку с высоким фундаментом и верандой, огибающей фасад со стороны воды. Нависающий над верандой навес защищал вход от дождя, хотя сейчас с него сбегали мутные струи и деревянные ступени выглядели скользкими. Широкие окна в рамках темного цвета были плотно закрыты и, несмотря на ранний час, уже светились изнутри. Крыша глухо звенела под тяжелыми каплями, создавая постоянный гул. Сбоку над фасадом возвышалась остроконечная башенка, главное украшение яхт-клуба, рядом с которой качалась на ветру высокая мачта со спущенным по причине непогоды флагом.

Внутри было тепло и, главное, сухо. Это сочетание даже

позволило им пережить атаку Кунина, который, завидев вошедших, вскочил из своего кресла у камина и бросился к ним.

– Други мои, что там? Кто погиб? Кто виноват? Это все иноземцы?

– Евлампий Аристархович, успокойтесь, – попросил его Фальк. – Никто не погиб, никто не виноват. По крайней мере, пока.

Из второго кресла приветственно поднялся Всеволжский. Хотя из дома его явно выдернули срочно, отставной контр-адмирал был одет в безукоризненно сидящую униформу командора яхт-клуба, синюю с золотыми пуговицами.

– Василий Оттович, Александр Петрович, – пожал он руки обоим. – Присаживайтесь, обсохните, согрейтесь. Дела пару минут подождут. Могу я предложить вам что-нибудь?

– Чаю, будьте любезны, – попросил урядник.

– А мне, пожалуй, бренди, – сказал Фальк, с наслаждением скидывая плащ.

Всеволжский взмахнул рукой, и служитель яхт-клуба в форме матроса, стоявший у дверей в соседний зал, испарился, явно за их заказом. Когда Фальк и Сидоров заняли свободные кресла у камина, он вернулся с подносом, на котором стоял чайничек для урядника и бокал с золотистым бренди для доктора. Обменявшись парой обязательных фраз о погоде и новостях, наконец они перешли к действительно волновавшей всех теме.

– Михаил Всеволодович, вам знакома яхта под названием «Ундина»? – спросил Сидоров.

– Так точно, – ответил Всеволжский. – Из новых, меньше месяца назад встала в нашем порту. Красавица. Это ее, значит, выбросило на берег?

– Боюсь, что да, – кивнул Сидоров. – Кому она принадлежит?

– Князю Несвицкому, Константину Михайловичу.

– Князю? – удивился Фальк.

– Конечно, Василий Оттович, а вы не знали? – воскликнул Кунин.

– Признаюсь, нет, первый раз слышу.

Василий Оттович действительно не следил за новостями этот месяц. Сначала – потому что старался провести как можно больше времени с Лидией до ее отъезда. Затем – оттого, что его вообще мало что стало интересовать.

– Блестящий молодой человек, – продолжил Евлампий Аристархович. – Из уважаемой семьи. До недавнего времени служил при нашем посольстве в Лондоне, но в июне вернулся назад и поселился в фамильном имении недалеко от Зеленого луга.

– А-а-а, в той усадьбе, что по дороге в Сестрорецк, – вспомнил Фальк огороженные невысокой каменной стеной уголья к западу от деревни. Сколько он себя помнил, особняк всегда стоял пустым.

– Да-да, он уже приводит его в порядок, даже обещал от-

крыть для публики усадебный парк. Он английский! Говорят, невероятно ухоженный и красивый.

Будучи председателем дачного общества благоустройства, Евлампий Аристархович питал невероятную страсть к цветам, клумбам и окультуренным садам на европейский манер.

– Это замечательные новости, но давайте вернемся к нашему вопросу, – остановил его Сидоров. – Значит, «Унди-на» принадлежит князю?

– Так точно, – вновь подтвердил Всеволожский. – У него две яхты. «Ундина», крейсерская, и «Чайка», спортивная.

– Простите, а в чем разница?

– Крейсерские яхты предназначены для дальних переходов, – с удовольствием принялся объяснять Михаил Всеволодович. – Они большие, надежные, в них можно выходить в море и в хорошую погоду добраться хоть до Великого княжества Финляндского, хоть до Швеции, хоть до Дании. К тому же они требуют команды – в одиночку такими управлять сложно. Соответственно, есть и каюта, куда можно удалиться, чтобы поспать или спрятаться от солнца.

– А спортивные?

– Они значительно меньше. Предназначены в первую очередь для соревнований. Ими может управлять даже один человек. В основном на таких участвуют в регатах или отправляются в короткие прогулки, скажем, до островов. Можно даже в Петербург или Сестрорецк. Но в открытое море на них выходить опасно.

– Князь, я так понимаю, человек состоятельный, раз мог позволить себе две яхты? – спросил Сидоров.

– Они не столь дороги, как принято считать, – пожал плечами Всеволожский. – Спортивная обойдется вам рублей в пятьсот. Крейсерская – от тысячи. Даже пролетарии из образованных могут себе позволить.

Александр Петрович едва заметно поморщился. С зарплатой исправника даже на спортивную яхту ему пришлось бы копить несколько лет. При условии, что из этой зарплаты он не станет тратить ни копейки.

Даже для Фалька цены были дороговаты. Нет, какую-нибудь сравнительно дешевую яхту он мог бы себе позволить, но вкладывать такие суммы в увлечение, которым в условиях северной погоды доведется заниматься от силы пару месяцев в году, считал непозволительным расточительством.

– Однако «Ундина» принадлежала к дорогим яхтам, это так, – не заметив их реакции, продолжал Всеволожский. – Князь заказал ее на английских верфях. Поэтому она обошлась ему тысячи в три-четыре.

– Понятно, – сухо кивнул Сидоров. – То есть князь вчера на ней плавал?

– На судах, Александр Петрович, ходят, а не плавают, – поправил его контр-адмирал. – А что до вашего вопроса, то сейчас узнаем.

Он обернулся к дверям и зычно крикнул:

– Боцман, ко мне!

Спустя несколько секунд к ним прихромал высокий здоровяк лет за пятьдесят, обветренный и загорелый дочерна. На нем также была клубная униформа – на этот раз с белой форменной рубашкой с коротким рукавом, а не кителем.

– Филимон Кондратьевич Персиков, – представил его Всеволожский. – Служил боцманом на одном из кораблей, которыми я имел честь командовать. Скажи, Филимон, ты вчера дежурил на причале?

– Так точно, ваше превосходительство! – отрапортовал Персиков.

– При тебе забрали «Ундину»?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Кто забрал? – спросил Сидоров.

Боцман смерил его униформу взглядом, а потом посмотрел на Всеволожского, словно ожидая команды, говорить ему с урядником или нет. Контр-адмирал молча кивнул.

– Сам князь и забрал, вашбродь, – ответил Персиков. – Прибыл с друзьями вечером, когда распогодилось, и забрал.

– С друзьями, говоришь? – уточнил Александр Петрович. – Сколько их было?

– Четверо, вашбродь.

– Знаешь их?

– В лицо знаю, вашбродь, по именам – нет. Но могу справиться.

– Справиться? – переспросил Сидоров.

– У нас заведено, что каждый член яхт-клуба или же про-

сто яхтсмен, прибывающий или отбывающий, вписывает название судна, а также свое имя и имена членов команды в журнал, – пояснил Всеволжский. – Персиков может принести его.

– Будьте так добры.

Боцман вышел и через минуту вернулся, держа в руках плотную тетрадь в дорогой кожаной обложке. Ее он с почтением передал Всеволжскому, а тот уже Сидорову. «Командная иерархия и разделение на морских и сухопутных», – подумал Фальк.

– Итак, – зашуршал страницами урядник. – «Ундина». Вышла в море в семнадцать тридцать семь. На борту присутствовали князь Оболенский, Иван Сергеевич фон Бек, Николай Дмитриевич Мамаев, Георгий Платонович Рыбин. Действительно, четверо.

– Вы их нашли? – спросил Кунин.

– Нет, просто журнал подтверждает наши умозаключения, что на яхте их было четверо...

– Было? То есть они пропали без вести? – уточнил Всеволжский.

– Похоже на то, – ответил за урядника Фальк и вкратце описал состояние яхты. Контр-адмирал внимательно его выслушал, иногда кивая. Закончив рассказ, Василий Оттович спросил: – Что нас с Александром Петровичем беспокоит, так это отсутствие людей на яхте. Могло их, скажем, смыть волной?

– Могло, – кивнул Михаил Всеволодович. – В море и не такое случалось. Особенно если, как вы говорите, они выпили. Но все равно есть странности...

– Например?

– Например, убранные паруса и снасти, – ответил Всеволожский. – Шторм, конечно, мог налететь быстро, но все же... Если бы паруса были на месте, то можно было бы предположить, что все четверо были на палубе и боролись со стихией. Тогда, действительно, их могло бы снести шквалом. Однако если паруса были именно убраны, то либо экипаж решил переждать бурю, либо они изначально просто болтались на волнах или на якоре, но, как вы говорите, он тоже был поднят... Хм... Это весьма необычно. Чаще судно получает пробоину или же черпает воды и опрокидывается, но тогда оно идет ко дну вместе с командой...

– Михаил Всеволодович, а сколько у вас сейчас матросов в яхт-клубе? – спросил вдруг Фальк.

– Считая боцмана – семеро, – ответил контр-адмирал.

– Будьте так любезны, отдайте им приказ пройтись вдоль моря по обе стороны от яхт-клуба, – попросил доктор. – Одна-две версты, не больше.

– А, думаете, что тела тоже могло вынести на берег, – понял Всеволожский. – Филимон Кондратьич, миленький, распорядись.

– Будет сделано, ваше превосходительство! – отрапортовал Персииков и вновь вышел.

– Что же это вы, подозреваете, что дело нечисто? – напомнил о себе Евлампий Аристархович.

– Я разделяю мнение Василия Оттовича, что нужно учесть все возможные варианты случившегося, – деликатно ответил Сидоров. – Яхта приплыла, а люди – нет. Их надо найти вне зависимости от того, чисто дело или нечисто. Может, им помощь еще можно оказать...

– Возможно, это все мое воображение разыгралось, – извиняющимся тоном сказал Фальк. – Вынесенная на берег яхта без команды... Корабль-призрак какой-то!

– Тс-с, Василий Оттович, – шикнул на него Всеволожский. – Не стоит говорить о таких вещах вслух! И вообще, удивительно поэтичное замечание, для вас-то!

– Прошу прощения, я не хотел. Видимо, стоит пореже читать беллетристику, – потупился Фальк.

– А что, подобное уже случилось? – спросил Сидоров.

Всеволожский неодобрительно покосился на доктора, однако почел за лучшее объяснить:

– У моряков много легенд о кораблях-призраках. «Летучий голландец», например. Его капитан, некий Ван дер Деккен, огибая мыс Доброй Надежды, попал в страшный шторм. Когда часть команды попыталась убедить его переждать непогоду в безопасной бухте, он объявил их мятежниками и казнил. Остальным морякам Ван дер Деккен пообещал, что никто из них не сойдет на берег, пока они не обогнут мыс. Капитан слыл страшным сквернословом и бо-

гохульником, а потому, говорят, Господь услышал его и проклял. Теперь Деккен и его команда обречены вечно скитаться по всем морям и океанам, но так и не обогнуть мыс Доброй Надежды. Но, думаю, Василий Оттович говорил не о «Голландце», а о сравнительно недавнем случае. «Мария Целеста», верно?

– Если не ошибаюсь, так этот корабль назывался, да, – кивнул доктор.

– Да, про нее много чего понаписали. Если вкратце, то лет тридцать назад бриг «Деи Грация» наткнулся в океане на бригантину «Мария Целеста». Корабль дрейфовал абсолютно пустой. Все шлюпки на местах. Бортовые запасы не тронуты. Серьезных повреждений нет. Только вот ни одного человека, ни живого, ни мертвого, на борту не нашли. «Марию Целесту» отбуксировали в Гибралтар, учинили следствие, но оно так и закончилось ничем. Десять человек, члены экипажа и пассажиры, просто исчезли. И никто не знает, что с ними произошло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.